Гелбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.

Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990.

Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-Бизнес, 2001.

Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.

Корпоративное управление в переходных экономиках: инсайдерский контроль и роль банков. СПб.: Лениздат, 1997.

Корягина Т.И. Теневая экономика в России: истоки и статистика // Politeconom. 1997. № 1.

Кузык Б.Н., Агеев А.И., Волконский В.А., Кузовкин А.И., Мудрецов А.Ф. Природная рента в экономике России. М.: Ин-т экономических стратегий, 2004.

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд. МГУ, 1996.

Никитин С.М. Проблемы ценообразования в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1973.

Норт Д. Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М.: Прогресс, 1986.

Теория капитала и экономического роста: Учеб. пособие / Под ред. С.С. Дзарасова. М.: Изд. МГУ, 2004.

Хорос В.Г. Вместо введения. // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. М.: ИМЭМО, 1999. Сб. 2.

Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль, 1981.

Epstein R.C. Industrial Profits in the United States. N.Y., 1934.

Рукопись поступила в редакцию 30.06.2005 г.

УРОКИ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА

К.Х. Зоидов

Рассматривается применение эволюционного подхода к современной экономической теории и практике рыночных преобразований в экономике России. Предложена и обоснована концепция направленной эволюции, связанная с нетрадиционным взглядом на институциональное реформирование, а также на природу и пути преодоления трансформационного кризиса переходной экономики. Эволюционный путь выхода российской экономики из кризиса видится в стратегии опережающей модернизации и предпринимательской ориентации, сочетающей направленную и естественную эволюции экономических субъектов.

Развитие взглядов на эволюционные процессы и механизмы в экономике происходило в западной науке главным образом в связи с развитием эволюционно-институционального подхода (Норт, 1997; Нельсон, Уинтер, 2000). В настоящее время использование этого подхода является наиболее актуальным и представляется весьма перспективным для исследования эволюционной составляющей рыночных преобразований в России и других странах с переходной экономикой (Макаров, 1997; Маевский, 2001; Экономическая трансформация..., 2004). Анализ явлений переходной экономики и связанного с ней трансформационного кризиса позволяет углубить не только понимание переходных процессов на основе эволюционного подхода, но и наши знания об экономической эволюции, усовершенствовать эволюционный подход и тем самым обогатить методологический инструментарий экономической науки.

Поскольку переход к более прогрессивным рыночным отношениям с неизмеримо большей свободой экономических субъектов привел не к быстрому подъему экономики, как это ожидалось в начале реформ, а к ее крупномасштабному спаду и кризису, анализ эволюционных первопричин трансформационного кризиса представляется весьма перспективным как для более глубокого постижения механизмов экономической эволюции вообще, так и для поиска предпосылок преодоления этого кризиса в практике реформ. Поэтому эволюционно-институциональный подход, по нашему убеждению, является одним из наиболее действенных способов научного исследования как с точки зрения объяснения явлений трансформационного кризиса, так и в плане поиска путей его преодоления и формирования эффективной рыночной экономики.

ДЕСТРУКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР И ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

О деструктивном характере трансформационного кризиса в российской научной литературе написано много. На обширном статистическом материале исследованы деструктивные тенденции, вылившиеся в исторически беспрецедентный спад производства, топливно-сырьевую переориентацию экономики, ухудшение ее структуры, «выгорание» наукоемких и высокотехнологичных отраслей, неконкурентоспособность отечественных предприятий промышленности и т.д. Особое значение в изучении опасностей и разрушительных тенденций кризиса (его, как нам представляется, следует писать с большой буквы по аналогии с Великой депрессией) имели известные работы Л. Абалкина, в которых был поставлен вопрос о фактически происходящей деиндустриализации страны.

Вместе с тем эволюционный и собственно трансформационный потенциал кризиса остается практически неизученным. Если за более чем десятилетнюю кризисную лихорадку экономики в ней бы не сложилось никаких позитивных тенденций, ведущих к выходу из кризиса, то этот кризис нельзя было бы называть трансформационным, его следовало бы именовать деструктивным, или катаклизмационным.

Привел ли кризис к катастрофе экономики России, об опасности которой многие экономисты предупреждали еще с 1988 г., а с 1992 г. заговорили как об уже свершившейся? Хотя некоторые катастрофические последствия для определенных секторов экономики в ходе столь крупномасштабного кризиса, безусловно, имели место (Перламутров, 2002), макроэкономической катастрофы, сравнимой по своим последствиям с теми, что имели место в отечественной истории в 1917–1920, 1930–1935 и в 1941–1943 гг., не произошло. Но если посмотреть иначе, всю историю командно-распределительной экономики правомерно было бы оценивать как растянутую во времени, длинноволновую (в духе теории Н. Кондратьева) катастрофу, поскольку хозяйственная система развивалась по тупиковому, неестественному, можно сказать, антиэволюционному пути. Эта история и завершилась микрокатастрофами 1988–1991 и 1992–1998 гг. Можно было бы уменьшить масштабы и последствия этих микрокатастроф, но избежать их вообще вследствие тупикового характера предшествующего развития и крайней закоснелости экономической системы, сложившейся под воздействием административно-командных методов хозяйствования и управления, не удалось бы.

Негативному восприятию явлений трансформационного кризиса в общественном сознании способствовало укоренившееся в годы функционирования «бескризисной» хозяйственной системы идеологизированное представление о циклических кризисах как свидетельствах «порочности» рыночной «капиталистической» системы, неизбежности ее слома и замены социалистической «плановой» системой.

Миф о «бескризисности» советской системы был своего рода идеологической защитной оболочкой, призванной скрыть от критического рассмотрения перманентную кризисность дефицитного рынка и всего командно-распределительного хозяйствования в целом (Корнаи, 1990).

Лишь в ходе горбачевской «перестройки» в отечественной экономической науке стали обсуждаться проблемы кризисов и циклов советской экономики, начали появляться проблемные статьи об «очистительной» роли циклических кризисов в рыночной экономике, об их вхождении, несмотря на спады производства, банкротства, рост безработицы и прочие негативные последствия, в естественные механизмы саморегулирования цивилизованного рынка. В научной литературе постсоветского периода утвердилось понимание того, что устранение циклических кризисов возможно лишь путем устранения самих механизмов рыночного саморегулирования. Потребность в смягчении и ослаблении кризисов, явившись одним из важных блоков кейнсианской методологии, дала колоссальный импульс к развитию научной системы макроэкономического регулирования.

Что же касается затяжного и крупномасштабного, принявшего системный характер отечественного экономического кризиса, то он продолжал вызывать у аналитиков в основном отрицательную реакцию (Петраков, 1998).

Но существует и противоположное мнение. Так, А. Ослунд, вполне справедливо протестуя против «сгущения красок» в оценке кризисных процессов, вообще отрицает наличие глубокого кризиса постсоветской экономики. В своей статье (Ослунд, 2000) он утверждает, что сведения об уровне кризиса, превзошедшего по своим масштабам Великую депрессию, явились результатом недостоверности статистических данных о состоянии коммунистических и посткоммунистических экономик (Ослунд, 2000, с. 115).

А.Ослунд критикует положение о крупномасштабном спаде производства, противопоставляя ему шесть антитезисов:

1) фундаментальные статистические ошибки заложены уже в самой базе отчета, поскольку в советской экономике путем манипуляций со статистикой постоянно создавалась видимость подъема, высокого экономического роста и развития;

2) большинство тоталитарных экономик погрузились в хаос и испытали крупномасштабный спад уже в конце коммунистического периода;

3) с началом рыночных преобразований на смену заинтересованности предприятий в завышении величины валовых показателей путем приписок для создания видимости выполнения планов пришла заинтересованность в занижении отчетности с целью уменьшения величины уплачиваемых налогов;

4) в постсоветский период наблюдался чрезвычайно быстрый рост неофициальной экономики, совершенно не учитываемый официальной статистикой;

5) большая часть советской обрабатывающей промышленности не столько создавала, сколько убавляла стоимость в процессе обработки вследствие низкого качества продукции; следовательно, снижение производства негодных для употребления товаров не может рассматриваться как падение производства;

6) снижение скрытого субсидирования «братских» экономик во взаимной торговле принесло экономике России значительные выгоды, которые во многом покрыли спад производства.

Все эти аргументы, конечно, справедливы, но они касаются лишь компенсирующих факторов спада и тяжелого состояния экономики России в кризисный период. Само же это тяжелое состояние, конечно, не миф, а реальность вот уже целое десятилетие. Эта кризисная реальность еще усугубляется кризисом общественного сознания, падением настроения огромных масс людей, привыкших к патернализму, уравниловке в доходах и гарантированному минимуму социальных благ.

Естественно, что российская экономическая наука очень нуждается в объективном, взвешенном анализе последствий и эволюцион-

ных потенций трансформационного кризиса. Одной из первых работ, в которых был осуществлен разносторонний анализ эволюционного потенциала этого кризиса, явилась статья А. Нестеренко (Нестеренко, 1996). Автор статьи предлагает рассматривать проводившиеся в России с 1992 г. реформы не в одном претендующем на всесторонний охват ракурсе, а с двух альтернативных точек зрения, соответствующих двум типам изменений, которые претерпела российская экономика, – системно-институциональному и структурно-вещественному. Прогресс в сфере системно-институциональной трансформации парадоксальным образом сочетается с жесточайшим экономическим кризисом структурно-вещественной составляющей экономики (Нестеренко, 1996, с. 19).

Экономика уже накопила ряд импульсов к подъему, но их «нерабочее» состояние будет продолжаться еще длительное время в связи с незавершенностью и противоречивостью институциональных преобразований. Поэтому остается в силе сформулированный А. Нестеренко в 1996 г. тезис о том, что кризис такой продолжительности и силы, какой наблюдается в экономике России, в рыночной экономике породил бы мощные импульсы к подъему и сменился бы бурным оживлением. Но у нас этого не происходит, и именно потому, что «российская экономика как институциональная система еще довольно далека от рыночной системы ...» (Нестеренко, 1996, с. 21).

А. Нестеренко полагает, что эклектичность российской институциональной системы, отсутствие доминирования рыночных институтов над институтами прежней административно-командной экономики выступают основным препятствием для действия эволюционных механизмов, способствующих преодолению трансформационного кризиса. В странах же Центральной, Восточной и Южной Европы, входивших ранее в Совет экономической взаимопомощи, главным фактором перехода от спада к росту послужило то обстоятельство, что государство там занимается «не только текущим регулированием производства, сколько регулированием институциональной системы, в том числе развитием рыночного законодательства и контролем за его соблюдением» (Нестеренко, 1996, с. 22).

Все это, безусловно, правильно, однако необходимо иметь в виду, что создание социально-экономических институтов является в весьма значительной степени плодом естественной эволюции и лишь в меньшей степени – продуктом «институционального строительства», направляемого и управляемого государством.

Институциональные реформы пошли в Польше, Чехии и бывшей ГДР значительно быстрее, чем в России, потому что и экономика, и общество, и цивилизационная ориентация народов этих стран были более готовы к эволюционированию рыночных институтов, чем у нас. Ведь эволюция социальных систем, в том числе и систем социально-экономических, зависит не только от состояния производственных структур, но и от людей – их деловых, моральных, мировоззренческих, культурных и цивилизационных ориентаций (Клейнер, 2004). Перекос же институциональных и производственных структур мешает формированию этих ориентаций. Кризис сам по себе не может создать предпосылки для коренного изменения этой ситуации, и необходима активная государственная стратегия по преодолению сложившейся ситуации.

КОНЦЕПЦИЯ НАПРАВЛЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Для анализа процессов экономической эволюции чрезвычайно важно понятие направленной эволюции, т.е. способности людей и их организаций направлять, регулировать и оптимизировать процессы экономической эволюции для повышения эффективности экономики и, соответственно, качества жизни людей и человеческих сообществ. Важнейшую роль в обеспечении направленности эволюционных процессов играет, как известно, регулирующая

деятельность государства и его органов различных уровней. В этом аспекте государственное регулирование экономики рассмотрено в проблемной статье Л. Абалкина (Абалкин, 1997) применительно к переходной экономике России. «Определяя направления государственного регулирования, – пишет Л. Абалкин, – мы должны отдавать себе отчет в том, что речь идет об экономике, находящейся в переходном состоянии, оказавшейся в затяжном кризисе, во многом носящем неоклассический, нетрадиционный характер (в отличие от классического, структурного или циклического спада). Он связан с разрывом глубинных воспроизводственных связей в экономике, с перерастанием спада производства в разрушение экономических структур...» (Абалкин, 1997, с. 9–10). Восстановить эволюционные процессы на новой, рыночной основе, по мысли Л. Абалкина, можно только путем разработки и реализации государственной стратегии социально-экономических преобразований с четким определением этапов, приоритетов и конечных целей (Абалкин, 1997, с. 11).

Целостный подход приводит Г. Клейнера (1999) к убеждению в необходимости постоянной увязки макро-, микроэкономической и финансовой стабилизации, что, к сожалению, до сих пор не осуществлено в России, где финансовая стабилизация в течение 1992–2000 гг. проводилась в отрыве от других аспектов стабилизации и осуществлялась зачастую за счет дестабилизации реального сектора экономики. Наряду с выделением в структурно-объектном плане трех вышеуказанных аспектов стабилизации, Г. Клейнер дополнительно выделяет еще два альтернативных аспекта – институциональный и функциональный. Первый из них связан с достижением стабильности социально-экономических институтов – относительно устойчивых организаций, структур, традиций, норм, обычаев и т.д., второй – со стремлением к устойчивости показателей функционирования экономических объектов (Клейнер, 1999, с. 5).

В работе В. Тамбовцева (1997) сделана попытка разработать методологические основы институционального проектирования, позволяющего активно создавать предпосылки для направленного хода эволюционных процессов. Он видит преимущество неоинституционализма перед другими школами экономической теории в методологической нацеленности не на достижение неких идеальных схем эффективности экономических систем, а на исследование реальных эволюций таких систем.

Но всякая эволюция в социальной среде связана со стремлением людей к совершенствованию и повышению эффективности своей деятельности и создаваемых на ее основе институтов. «Вместе с тем, – отмечает В. Тамбовцев, – даже самый последовательный эволюционист не в состоянии отрицать целенаправленности действий людей при заключении сделок, принятии законов, создании и совершенствовании хозяйственных организаций» (Тамбовцев, 1997, с. 82). С нашей точки зрения, это как бы мимоходом сделанное замечание открывает целый пласт проблем эволюции как в экономике, так и в социальной сфере. Конкурируя между собой, люди и их сообщества прилагают максимум усилий к тому, чтобы оптимизировать социальную среду по своим собственным меркам, а не просто приспособиться к естественно возникшей среде, как это делают животные. Именно в этом обстоятельстве заключен глубинный смысл знаменитого положения А. Смита о «невидимой руке» рынка.

«Невидимая рука», о которой писал А. Смит, действует не потому, что каждый участник рынка стремится к собственной выгоде, а потому, что, стремясь к выгоде, он стремится оптимизировать свою деятельность и усовершенствовать предлагаемые им товары и услуги, чтобы превзойти своих конкурентов и реализовать потребителям максимум произведенного. Таким образом, социальная эволюция и экономическая эволюция как ее составная часть имеют уже изначально направленный характер, заключающийся в целесообразно ориентированных усилиях и действиях людей на всех уровнях их существования.

Уровень государственного регулирования венчает пирамиду уровней, на которых целесообразная деятельность экономических субъектов способствует оптимизации эволюционных процессов в национальной экономике любой страны. К этим субъектам относятся и мощные транснациональные корпорации, и структуры крупного и среднего бизнеса, и малые предприятия, и предприниматели-одиночки, и массы потребителей продукции и услуг.

Одним из важных аспектов влияния человеческих организаций и их целесообразной деятельности на ход и направленность эволюционных процессов выступает институциональное проектирование при условии реализации рациональной части его итогов в практике создания и регулирования определенных институтов. Именно этот аспект находится в центре внимания вышеуказанного исследования В. Тамбовцева.

В. Тамбовцев стремится сформулировать методологические основы институционального проектирования, создать своеобразный алгоритм разработки соответствующих проектов. Этот алгоритм фактически повторяет этапы обычного планирования и включает стадии определения цели проекта, разработки вариантов достижения цели, обоснования критериев выбора оптимального варианта, создания регуляторов для сокращения числа разрабатываемых альтернатив, выбора наилучшего варианта, детализации и оформления выбранного варианта (Тамбовцев, 1997, с. 85–88). Автор формулирует ряд основных методологических принципов институционального проектирования, к числу которых относятся этапная полнота, компонентная полнота проекта, достаточное разнообразие стимулов, максимальная защищенность от отклоняющегося (девиантного) поведения и соучастие заинтересованных в институте субъектов (Тамбовцев, 1997, с. 85–91).

Методологическая и эвристическая ценность данной статьи несомненна, но совершенно не раскрытым в ней остается целый ряд фундаментальных вопросов, связанных с возможностью, перспективностью, допустимостью и социальной приемлемостью институционального проектирования в целом и определенных институциональных проектов в частности.

Российское общество, как и общество других стран СНГ, накопило колоссальный негативный опыт разработки утопических и одновременно жестко регламентированных социальных проектов, реально осуществленных в практике «коммунистического строительства». В соответствии с этими проектами возникли совершенно новые, псевдоноваторские, нигде больше не встречающиеся институты, такие как сплошное директивное адресное планирование и абсолютная централизация управления экономикой. Наиболее фундаментальным институтом командно-распределительной экономики стала государственная собственность на средства производства и ресурсы, т.е. на всю совокупность предприятий промышленности, сельского хозяйства (при номинальном кооперировании), торговли и сферы услуг.

Движущей силой экономической эволюции в этой системе стало внеэкономическое принуждение, дополнявшееся материальным стимулированием, все более терявшим свою эффективность вследствие дефицита потребительских товаров и ограниченности покупательной способности населения. Уже при своем зарождении эта система была сопряжена с варварским разрушением рыночных институтов, грабительской безвозмездной экспроприацией собственности, истреблением собственников и высококвалифицированных кадров. В дальнейшем разрушительная составляющая хозяйственного механизма сделалась его неотъемлемой частью, всеохватным институтом «планового» хозяйствования.

Другим, формально противоположным ему институтом стало идеологическое воздействие на субъекты производства. Это воздействие состояло в насаждении представлений о «героике будней» в настоящем (при отсутствии обеспеченности самыми необходимыми для жизнедеятельности благами и ресурсами) и о строительстве светлого коммунистического общества в будущем, когда все

мыслимые блага «польются полным потоком». Такое строительство проводилось в соответствии с весьма туманными утопическими представлениями о преодолении всех недостатков цивилизационного развития, о гармоническом развитии каждого человека, о слиянии города и деревни, умственного и физического труда, об отмирании рутинного и повсеместном распространении творческого труда, превращении его в первую жизненную потребность и т.д. Решение этих задач, возможно и достижимое, но на совершенно иной технологической базе и в течение многих столетий, пытались осуществить единым штурмом на институциональной основе, которая лишала субъектов производства всякой свободы и самостоятельности и отнимала стимулы осуществления собственных проектов хозяйственной деятельности.

Что касается институционального проектирования при строительстве идеального общества по заранее определенному плану, то оно было жестко привязано к институциональной основе административно-командной системы, скроенной по военно-мобилизационному образцу. Кризис и крах этой системы при попытках ее реформирования выявили несовместимость естественных эволюционных процессов с искусственно созданным и поддерживаемым «под колпаком» административно-командной системы эволюционный механизм. Этот механизм невозможно назвать механизмом направленной эволюции, скорее это был механизм подмены естественной эволюции искусственно созданной и насильственно поддерживаемой эволюционной средой. Неудивительно, что естественная эволюция, протекавшая под спудом этого механизма, «подмыла» его устои, после чего он разрушился при попытках сочетания его с эволюционными процессами.

Растянувшийся на десятилетия эксперимент по созданию и функционированию внеэволюционных институтов и механизмов хозяйствования показал принципиальную невозможность строительства общества с заранее определенными параметрами по заранее созданным проектам. Общество и его экономика – не здание, которому предстоит неподвижно стоять многие десятилетия, а непрерывно эволюционирующий организм, требующий чрезвычайно осторожного регулирования и последовательного совершенствования в процессе направленной эволюции. Естественная эволюция содержит в себе множество разнообразных механизмов саморегулирования, которые могут быть нарушены или даже разрушены в ходе реализации результатов институционального проектирования.

Трансформационный кризис в переходной экономике приобрел такую силу и остроту именно вследствие того, что старые командно-административные институты пришли в негодность, препятствовали созданию новых институциональных структур, а затем подверглись поспешному разрушению по тому же принципу «весь мир насилья мы разрушим». Новые институты возникали не естественным, эволюционным путем, а строились на основе заимствованных из стран с развитой рыночной экономикой и наскоро приспособленных к отечественным условиям институциональных проектов.

Конечно, создание институциональных проектов, конкурентный отбор наиболее практичных из них и формирование на их основе современных рыночных институтов – необходимое звено в процессе реформирования рыночной экономики. Напомним, что конкурентный отбор представляет собой один из важнейших механизмов естественной эволюции. Однако глубочайшим заблуждением теоретиков реформ является представление о возможности создания эффективной рыночной экономики прямым и непосредственным действием государственных преобразований. Это аналог строительства коммунизма по проектам классиков марксизма-ленинизма. Заметим, что сами классики открещивались от возможности нарисовать в деталях основы будущего общества и ограничивались общими пожеланиями. Естественно, что проекты создания таких институтов, как биржи, коммерческие банки, финансово-промышленные группы, малое

предпринимательство принципиально отличаются от проектов и вариантов строительства «светлого будущего» прагматизмом и опорой на международный опыт. Тем не менее государственно насажденные, сформированные по воле государственных органов институты работают совсем не так (если вообще работают) и приводят к совершенно иным результатам, чем те, которых от них ожидали и которые естественным образом возникают в развитой рыночной экономике.

Происходит это прежде всего потому, что в процессе естественной эволюции российского общества по ряду сложных причин происходит отторжение цивилизованных рыночных институтов в целом и усвоение лишь тех элементов этих институтов, которые соответствуют сложившемуся институциональному строению социально-экономической среды. Любой, даже добротно спроектированный рыночный институт на стадии подготовки вызывает безудержный оптимизм авторов, но на стадии формирования сталкивается с отторжением и вызывает разочарование. И только по мере его прорастания в живую ткань экономической эволюции он начинает действовать естественным образом и сам в свою очередь изменяется, приспосабливаясь к условиям, потребностям и интересам экономических субъектов. Из внешнего имплантанта, пусть и хорошо сделанного, но отторгаемого иммунитетом больного экономического организма, ему предстоит путем долгих и болезненных изменений превратиться в живой орган, функционирующий по эволюционным законам того общественного тела, в которое он вживлен.

Наиболее фундаментальным экономическим и юридическим институтом всякого общества выступает, как известно, собственность. Именно попытка преодолеть «пороки цивилизации» путем экспроприации и обобществления частной собственности «эксплуататоров» лежала в основе марксистского институционального проекта переустройства общества. На практике же ликвидация частной собственности привела не к обобществлению, а к всеобщему огосударствлению собственности. На этой основе утвердилось полное бесправие человека перед всесильным бюрократическим государством, а вместо устранения «пороков цивилизации» получалось разрушение цивилизационных механизмов общественного устройства, образование принудительного механизма, работающего вразрез с законами естественной эволюции.

Обратный процесс восстановления частной собственности проходил, по существу, по тому же пути: государственная собственность экспроприировалась, раздавалась государственными же органами. Это был революционный сценарий со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бесхозность государственной собственности еще усугубила тот хаос и произвол, которым был чреват «черный передел» собственности. Одним из активных процессов переходной экономики стала так называемая «прихватизация» собственности. Возникла олигархическая структура крупного бизнеса, а криминализация предпринимательской деятельности приняла беспредельные, невиданные в мировой истории масштабы и сделалась настоящим бичом национальной экономики России и других «переходных» стран. В России этот беспорядок еще усиливался либерализацией и фактическим запретом на репрессивные действия властей.

Олигархизация крупной собственности и общая криминализация экономики приняли устойчивый институциональный характер, стали нормальными институтами ненормальной экономической системы, подпитывая ее перманентное кризисное состояние.

Развернутая и форсированная приватизация, проходившая в России и наделившая титульной собственностью практически все ее население от мала до велика, была необходимым этапом формирования предпосылок института частной собственности, но только предпосылок, а не самого этого института как такового. Институт частной собственности предполагает индивидуальное владение, распоряжение и пользование конкретным имуществом, ценными бумагами, ресурсами и благами (Львов, 2002).

Российская приватизация имела большое значение в том, что она создала и распространила институт акционирования. Но тотальное акционирование создало институциональные основы лишь для титульной собственности, собственности на бумаги и на часть дохода, но не на индивидуальное предпринимательское использование собственности. Собственность на предприятия стала товаром, но обнаружился явный дефицит товаровладельцев, и направленная эволюция института собственности забуксовала в ожидании так называемых стратегических собственников.

В условиях деформации естественных эволюционных механизмов направленная эволюция привела к имитации института частной собственности, а стало быть и производных от него институциональных образований. А наряду с такой имитацией, как чисто номинальная, титульная собственность, возникла реальная частная собственность, значительная часть которой выступает институциональной основой «дикого», криминализованного, недемократического капитализма с крайне жесткой эксплуатацией человеческих и природных ресурсов (Махмудова, 2002). Отсюда постоянная подпитка естественной для постсоветского социума «антикапиталистической ментальности», представления обо всех без исключения бизнесменах как жуликах, ворах, казнокрадах, грабителях простого народа, жирующих на его обнищании и т.д.

Частная собственность лишь тогда становится опорой эволюции, когда является институциональной основой цивилизованного предпринимательства. Именно предпринимательство – основной двигатель естественной эволюции рыночной экономики. Эффективно прогрессирующая рыночная экономика – это предпринимательская экономика. Поэтому все усилия государства в переходной экономике должны быть ориентированы на стимулирование предпринимательской активности, облегчение предпринимательской деятельности, избавление ее от бюрократических барьеров, на защиту от преступности и рэкета, в том числе и со стороны коррумпированного чиновничества. Мы называем такую направленность регулирующей деятельности государства принципом бизнес-ориентированного развития.

Создание режима наибольшего благоприятствования предпринимательской деятельности и наведение четкого порядка в отношениях предпринимателей и государства, создание партнерских отношений между ними может в относительно короткие сроки сдвинуть с мертвой точки процесс направленной эволюции, оживить формально функционирующие рыночные институты, превратить имитацию частной собственности в реально функционирующий институт – основу и опору цивилизованного предпринимательства. Тем самым направленная эволюция войдет в русло естественной экономической эволюции и будет осуществляться с ней в гармоническом единстве. Именно такое гармоническое единство направленной и естественной эволюции создает предпосылки для оптимизации экономического развития любой страны, а его нарушения на разных уровнях экономического организма и общественного организма в целом вызывают разнообразные кризисные явления, как циклические, так и системные, структурные, трансформационные и т.д.

Важным аспектом направленной эволюции, особенно в эпоху НТР, выступает процесс создания и усвоения инноваций. В статье М. Березовской (Березовская, 1997) отмечается особая роль государственной поддержки инновационных процессов в стимулировании экономической эволюции. Возникла новая, базирующаяся на инновациях модель развития. «Модели экономического роста в рамках ортодоксальной теории равновесия, – пишет автор статьи, – противостоит инновационная модель, в соответствии с которой формирование технологически передовых производств происходит на основе кредитной эмиссии под будущую стоимость» (Березовская, 1997, с. 61).

Государственная поддержка НИОКР и внедрение передовых технологий в приоритетных отраслях экономики на рыночной, кредитной основе является мощным инструмен-

том направленной эволюции. Кредитование под будущий результат выступает решающим фактором активной, целенаправленной и сконцентрированной экспансии на международные рынки, а обретение господствующего положения на них означает приток денежных ресурсов, пополнение обновленных капиталов, стабилизацию платежного баланса и переход экономики в целом в состояние динамического равновесия со стабильным экономическим ростом.

После этого государство может вернуться к дальнейшей либерализации. «Как показывает опыт динамично развивающихся стран, – подчеркивает М. Березовская, – отступление государства может быть оправдано только при достижении стабильного роста, что подразумевает и наличие стабильных инновационных потоков в производственный сектор...» (Березовская, 1997, с. 62).

Интересной формой стимулирования инновационной составляющей направленной эволюции является отсроченный платеж налогов, позволяющий не истощать инвестиционную базу, а оплачивать все или часть платежей государству после получения доходов. Система, при которой настоящее финансируется из будущего, связана, конечно, с немалым риском, но риском, оправданным необходимостью прорыва в запланированное и запроектированное будущее.

Если новым индустриальным странам удается эффективно использовать такую стратегию направленной эволюции, то для России с ее научно-техническим и ресурсным потенциалом необходимость использования подобной стратегии (с поправкой на специфику состояния и неблагоприятную динамику естественной эволюции национальной экономики) еще более актуальна. Эти страны начинали свое индустриальное развитие, практически не имея ни высококвалифицированного массового персонала, ни серьезной научно-технической базы, ни достаточного природно-ресурсного потенциала. Высококонкурентными на мировых рынках их сделала правильно направленная стратегия эволюционирования.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Важным итогом настоящего исследования является обоснование универсалистской концепции экономической эволюции (Моисеев, 1991; Костюк, 2004). Представители трех ведущих школ современной экономической мысли – кейнсианцы, монетаристы и институционалисты вот уже несколько десятилетий конкурируют друг с другом по вопросу о том, какая из предлагаемых ими моделей дает наиболее достоверную картину развития современной рыночной экономики и, соответственно, какие способы макрорегулирования должны быть приняты в государственной экономической политике. Наша точка зрения на экономическую эволюцию состоит в том, что в современной рыночной экономике действуют, попеременно доминируя на разных этапах развития, и кейнсианские, и монетарные, и институциональные эволюционные механизмы. Соответственно доминированию тех или иных процессов в определенный временной период и должна строиться методология регулирования (Зоидов, 2003).

Фундаментальное отличие современной переходной экономики от развитой рыночной заключается в блокировании или неэффективном действии кейнсианских и монетарных механизмов вследствие институциональных перекосов и общего институционального хаоса. Поэтому эффективность действия как кейнсианских, так и монетаристских способов регулирования может быть достигнута лишь в ходе решительного наведения порядка в наличных институтах, создания упорядоченных и компромиссных «правил игры» для экономических субъектов и государственных органов различного уровня.

Обоснованная в данной работе концепция направленной эволюции приводит к ряду конкретных рекомендаций по осуществлению направленного эволюционного перехода от увязшей в хаосе бессистемных преобразований транзитивной институциональной среды к

упорядоченной и эффективно действующей институциональной системе предпринимательской экономики. Направленная эволюция – путь универсальных изменений системного характера, опирающихся на естественную эволюцию социально-экономической среды. Направленная эволюция создает условия для естественной перестройки экономических институтов и «достраивает» лишь то, что не может возникнуть естественным путем.

Датский профессор-эволюционист К. Нильсен на Симпозиуме по эволюционной экономике в г. Пущино в 1996 г. обратил внимание на то, что процесс эволюционного перехода к рыночной экономике методологически неверно сводить к стабилизации и либерализации, что этот переход должен включать по меньшей мере пять направлений: либерализацию, стабилизацию, приватизацию, формирование институтов рынка и перестройку промышленной структуры (Нильсен, 1997, с. 164). Продолжая его мысль, можно смело утверждать, что без активной перестройки промышленной и всей экономической структуры либерализация будет поверхностной, стабилизация – неустойчивой, приватизация – формальной, формирование институтов рынка – со значительными перекосами, не позволяющими этим институтам обрести необходимую работоспособность. Речь идет не только об активной экономической политике государства и его регулирующих органов, но и о решительной смене приоритетов в направленности экономического развития. На протяжении многих десятилетий экономическое развитие России и других стран, входивших в СССР, направлялось по военно-мобилизационному пути, планировалось по команде сверху, с преобладанием тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. Все это привело к такой гипертрофии производств непотребительских секторов, к такому недоразвитию финансировавшегося по остаточному принципу потребительского сектора, что никакая рыночная экономика этого просто не выдержала бы. Современная российская экономика продолжает нести на себе этот непомерный груз последствий перекошенной структуры производства, нацеленной не на жизненные интересы людей, а на удовлетворение непомерных государственных амбиций.

Стратегия направленной эволюции в российской экономике в настоящее время строится на стереотипах так называемой «догоняющей модернизации». Здесь также необходима смена приоритетов, принятие стратегии опережающей модернизации, успешно осуществляемой в настоящее время целым рядом новых индустриальных стран. Суть этой стратегии в максимальной концентрации средств и усилий при партнерских отношениях государства и бизнеса на реализации тех направлений научно-технического прогресса, которые могут обеспечить опережение конкурентов и занятие господствующего положения на мировых рынках. К этому витку направленной эволюции российский менталитет вполне подготовлен всем ходом предшествующего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве важного параметра экономической эволюции следует выделить эволюционную готовность. Она означает гибкость и приспособляемость экономических структур к изменениям экономической среды, к изменениям рыночной конъюнктуры, к запросам международных рынков и т.д. Это готовность изменяться, чтобы действовать на высоком уровне конкурентоспособности и эффективности. Как и в эволюции биологических систем, эволюционная готовность в экономике выражается в способности экономических субъектов выживать в постоянно изменяющихся условиях и адекватно отвечать на вызовы естественного отбора.

Сложившаяся в России в процессе перехода к рынку модель экономического развития обладает низкой эволюционной готовностью. Эта модель характеризуется прежде всего экс-

портно-сырьевой ориентацией, которая фактически держит экономику на ресурсно-распределительном «допинге» и очень мало способствует прорыву на несырьевые мировые рынки. Для повышения эволюционной готовности экономики России необходима прежде всего промышленно-экспортная переориентация модели экономического развития. Сегодня это важнейшее направление, и его нужно развивать, в том числе методами направленной эволюции. Но одними экономическими средствами, даже самыми разумными и прагматичными, этой цели достигнуть невозможно. Необходимо поднять дух нации, вернуть российскому обществу уверенность в своих силах, перенаправить энергию российского патриотизма с извечной устремленности к военно-политическому могуществу государства на достижение экономического могущества и экспансию на мировые рынки. Следует также затратить значительные средства на решительное изменение негативного имиджа российских потребительских товаров на международных рынках. Маркетинговое наступление на международные рынки должно проводиться по всем правилам военной стратегии.

Однако прежде чем «атаковать» международные рынки, необходимо «натренировать» потребительско-промышленный комплекс (как альтернативу военно-промышленному комплексу), подготовить наступательный плацдарм на направлении импортозамещения. Ныне действующая российская экономическая модель характеризуется со времен «гайдаровских» радикальных преобразований чрезмерно высокой степенью зависимости от импортных потребительских товаров. Необходимо обеспечить превосходство над циркулирующими на российском рынке импортными товарами на наиболее приоритетных направлениях. Достигнуто это может быть только посредством избирательного финансирования и развития соответствующей специализации малого и среднего бизнеса. Затем, по мере достижения высокого уровня конкурентоспособности, избирательное финансирование снимается, и импортозамещающие субъекты экономики ставятся в равные конкурентные условия на отечественных рынках с зарубежными импортерами, временный избирательный протекционизм отменяется.

Одновременно следует приступить к дальнейшему направленному изменению структуры собственности. Доставшаяся в наследство от советской системы ориентация на приватизацию предприятий путем дележки акционерного капитала между коллективом и администрацией должна смениться созданием компаний со смешанным капиталом, который сможет свободно перемещаться и вкладываться в различные предприятия. На большинстве российских предприятий администрация владеет контрольным пакетом акций, не допуская внешних инвесторов, чтобы не потерять свою безраздельную власть. Предприятия существуют как бюрократизированные корпорации с неповоротливым консервативным руководством, которое больше заботится о сохранении своего положения, чем о производственных и управленческих инновациях, способных обеспечить максимизацию прибыли. Низкая энергетика менеджмента препятствует повышению экономического потенциала субъектов хозяйствования.

Необходимо поэтому переориентировать реформы собственности с образования корпоративных собственников на персонализацию собственности. Лишь индивидуальные владельцы контрольных пакетов акций, ответственные своими личными деньгами за успешность деятельности своей компании, могут придать субъектам хозяйствования необходимые им энергетику и динамизм. Именно они оказываются способными к разумному риску ради значительных выгод и преимуществ и кровно заинтересованными в финансовом успехе. Кооперация таких индивидуальных капиталов создаст современные корпорации, управляемые высокоэффективными менеджерами, несущими ответственность перед предпринимательским составом корпорации.

Важным средством направленной эволюции мы также считаем постепенную замену прямых налогов доходами от государствен-

ных капиталовложений и оплатой конкретных услуг, предоставляемых государством. Но это отдельная большая тема.

В целом концепция направленной эволюции предполагает повышение эволюционной готовности субъектов хозяйствования и постоянное регулирование направленной эволюции с целью ее гармонизации с естественным отбором в экономической сфере.

Литература

Абалкин Л.И. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6.

Березовская М. Инновационный аспект экономического развития // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Зоидов К.Х. Экономическая эволюция и эволюционная экономика. М.: ИПР РАН, 2003.

Клейнер Г.Б. Политика социально-экономической стабилизации: условия, содержание, институты // Пути стабилизации экономики России. / Под ред. Г.Б. Клейнера. М.: Информэлектро, 1999.

Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.

Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.

Маевский В.И. Эволюционная теория и технологический прогресс // Вопросы экономики. 2001. № 11.

Макаров В.Л. О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Махмудова Л.Ш. Совершенствование системы экономико-правового регулирования и управления процессом становления и развития института частной собственности в России. М.: ИПР РАН, 2002.

Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 3.

Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.

Нестеренко А.Н. Экономический рост на основе институциональных изменений // Вопросы экономики. 1996. № 7.

Нильсен К. Институционализм и проблемы посткоммунистической трансформации // Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Япония сегодня, 1997.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». Япония сегодня, 1997.

Ослунд А. Миф о коллапсе производства после крушения коммунизма // Вопросы экономики. 2000. № 7.

Перламутров В.Л. Итоги реформирования современной российской экономики // Экономическая наука современной России. 2002. № 4.

Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою в 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.

Тамбовцев В.Л. Теоретические основы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3.

Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера:. Пятый международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пущино. М.: ИЭ РАН, 2004.

Рукопись поступила в редакцию 17.08.2004 г.